

Yelena K. KUVAROVA

Candidat of Science, Philology, Docent of the Department of General and Slavonic Linguistics of Oles Honchar Dnipro National University; Gagarin Avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine; tel.: +38 (056) 374-98-80; e-mail: elkuvarova@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-2925-3648

**EMOTIONAL AND AESTHETIC POTENTIAL OF VOCATIVES IN THE LETTERS
OF I. A. BUNIN**

Summary. *The aim* of the research is to study the emotional and aesthetic potential of the forms and linguistic means of addressing unified by the term epistolary vocative on the material of letters by I. A. Bunin. *Objects of study* are vocatives in the epistolary of I. A. Bunin and the *subject* is the structure, semantics and functions of vocatives. *Material* of the research includes 1383 vocatives and vocative constructions observed in the published letters of I. A. Bunin. In the research we used such *methods* as descriptive method, method of content-analysis, methods of contextual and communicative-pragmatical analysis. *Practical application* of the research is possible while teaching the stylistics of Russian language. **Conclusion:** vocatives in the letters of I. A. Bunin carry out not only traditionally distinguished functions such as addressing or contact stating, nomination and characteristic of the object of speech, but also emotional-expressive function, which expresses a wide range of author's plays an important role in this process. In the conditions of distant communication polyvocative creates the effect of addresser's continuous presence and constant connection between correspondents. In friendly letters of I. A. Bunin vocatives often serve as a means of a wordplay, performing aesthetic function and forming the creativity of epistolary discourse.

Key words: I. A. Bunin, vocative, address, letter, epistolary text.

Надійшла до редколегії 07.02.2018 р.

<https://doi.org/10.15421/251808>

УДК 811.161.1'373.611

ЛИПИНА Виктория Ивановна

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной филологии восточных и англоязычных стран Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49010, Украина; тел.: +38(056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0001-9089-5159

ДАЩЕНКО Анна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры сравнительной филологии восточных и англоязычных стран Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49010, Украина; тел.: +38(056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0003-3432-3679

**ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ОБРАЗА ДИКОГО ГУСЯ
В КЛАССИЧЕСКОЙ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ***

Аннотация. *Цель исследования* – выявить лингвоэстетические параметры художественного образа «гусь», центрального в системе китайской классической поэтики с точки зрения исторической лингвoseмантики и литературоведческой стилистики. *Объект изучения* – китайская классическая поэзия («Шицзин», жанры *ши* и *цы*), *предмет* – основные вехи семантической и символической трансформации образа гуся в истории китайской классической поэзии. *Материал исследования* – корпус классических стихотворений, написанных Цао Чжи, Ду Фу, Хуан Тинцзянем и Ли Цинчжао. В *результате* исследования выявлена инвариантная семантическая модель образа гуся и историческая трансформация образа в ходе исторического развития китайской литературы. *Практическое применение* результатов возможно в исследованиях истории языка китайской классической поэзии

© Липина В. И., Дашенко А. В., 2018

*Представленные в статье результаты анализа некоторых китайских текстов были получены в рамках гранта, предоставленного Г. В. Дашенко Chiang Ching-kuo Foundation for International Scholarly Exchange (Тайвань) и European Association for Chinese Studies.

и эстетики. **Выводы** – в китайской классической поэзии семиотика образа гуся тесно связана с поэтикой и эстетикой древней китайской литературы. Выявлена главная веха трансформации семантического ядра образа, представлены изменения в символике: гусь – не только выношенный общим культурным сознанием традиционный вестник печальных новостей, не только знак исцеления надеждой, но и мужественный отказ от ожидания счастья поэтом, продолжающим жить и творить.

Ключевые слова: образ, символ, инвариант, лингвоэстетика, семантическая модель, Ли Цинчжао, Шицзин.

Постановка проблемы. В центре статьи актуальная проблема изучения семантики и символики образа гуся в классической китайской поэзии от древности до XII столетия, выполненная в рамках нового междисциплинарного направления в гуманитаристике – лингвоэстетики.

Связь с предыдущими исследованиями. В статье продолжается разработка научно-исследовательской темы кафедры «Сходознавство в сучасному філологічному просторі» (№ 011U1346), а также перспективной проблематики, намеченной в кандидатской диссертации А. В. Дашенко «Жанрово-стилевое своеобразие творчества Ли Цинчжао» (научный руководитель В. И. Липина).

Постановка заданий исследования. *Цель* настоящей статьи раскрыть главные аспекты поэтики и эстетики трансформации образа гуся.

Изложение основного материала.

Образ дикого гуся, как известно, является одним из основных семантических и символических центров в китайской классической поэзии. Впервые он встречается в «Шицзине» («詩經»), датированном XI–VII вв. до н. э. Многовековое использование этого образа в разных поэтических жанрах (*фу*, *юэфу*, *ши*, *цы* и *цуй*) сопровождается сложными семантическими трансформациями. На это, прежде всего, указывает многочисленность его обозначений в поэтических произведениях: (*дикий*) *гусь* – 雁, 鴻 или 鴻雁; *летающий домой гусь* – 歸雁 или 歸鴻; *перелетный гусь* 征雁 или 征鴻. Учитывая почти сакральный статус древности и нормативный характер источников для китайской литературной традиции, вариативность этимологии объясняется отсутствием терминологической унификации. Так, в древнейшем из дошедших до наших дней толковом словаре китайских иероглифов «Приближение к классике» («爾雅»), датированном III–II вв. до н. э., в разделе «Объяснение птиц» («釋鳥») представлено 102 названия птиц. Гусь упоминается трижды под разными названиями: *дикий гусь* 鵠鵠, *гусь* 舒雁 [5, с. 342] и *дикий гусь* 鳧雁 [Ibid., с. 357]. В первом этимологическом словаре китайского языка «Объяснение простых и сложных иероглифов» («說文解字»), составленном Сюй Шэнем (許慎, 58–147), гусь представлен в двух вариантах: 雁 [17, с. 205] и 鴻 [Ibid., с. 216]. Несмотря на такое разнообразие названий за образом дикого гуся в языке поэзии закреплено два устоявшихся значения, которые позволяли поэту выражать скрытые смыслы. Первое значение связано с пониманием этого образа как символа вестника, передающего письма людям, находящимся далеко друг от друга [16, с. 34; 1, с. 157], поддерживая их духовно. Источником такой символизации стала история из «Хроник [династии] Хань» («漢書»), связанная с дипломатом и государственным деятелем Су У (蘇武, I в. до н. э.). В частности, там говорится, что после неоднократных попыток импе-

ратора вызволить Су У из плена сюнну и уловок со стороны последних (вплоть до объявления о его смерти), Ханьский двор прибег к хитрости.

... [Чан Хуэй] велел послу сказать вождю сюнну: «Сын неба охотился в императорском лесу и подстрелил дикого гуся, к лапке [которого было] привязано письмо, [написанное на] шелке, с указанием возле какого озера находится [Су] У и другие [пленники]». Посол очень обрадовался [и] передал вождю сюнну [всё], как и сказал [Чан] Хуэй. Вождь сюнну посмотрел по сторонам испуганно и, извинившись [перед] Ханьским послом, сказал: «[Су] У и другие [пленники] действительно находятся [у нас]» [4, с. 2466].

...教使者謂單于，言天子射上林中，得雁，足有係帛書，言武等
在某澤中。使者大喜，如惠語以讓單于。單于視左右而驚，謝漢使曰：
「武等實在。」

С этого времени в китайской классической литературе и культуре гусь воспринимается как вестник. В многочисленных поэтических произведениях этого периода можно встретить прямое указание на гуся как вестника. Так, сунский поэт Хуан Тинцзянь (黃庭堅, 1045–1105) в *ши* под названием «Отправляю Хуан Цзифу» («寄黃幾復») с юмором отмечает сложную миссию гуся:

我居北海君南海， Я живу [на] северном побережье, [а] Вы – [на] южном,
寄雁傳書謝不能。 Отправил гуся передать [Вам] письмо,
[но] поблагодарить [он] не смог.

Второе значение, закрепленное за образом гуся, уходит своими корнями в «Шицзин», где в песне «Дикие гуси» («鴻雁») птица предстает как символ печали и тоски по родине крестьян, принудительно переселенных на окраины государства. В ходе дальнейшего развития китайской поэзии в разных жанрах за этим образом закрепилась символика печали и тоски. Изучение современных источников свидетельствует, сколь минимальными были отличия от первоначального смысла, несмотря на подчас тысячелетнюю временную дистанцию. Так, спустя восемь веков после «Шицзина» выдающийся поэт Цао Чжи (曹植, 192–232), тоскуя по родине, в стихотворении из цикла «Стихи о разном» («雜詩») написал:

孤雁飛南游， Одинокий гусь, устремляясь на юг,
過庭長哀吟。 Над двором пролетая, надрывно кричит.
翹思暮遠人， Тревожные мысли на закате о том, кто далеко,
願欲托遺音。 Страстно желаю передать [ему] весточку.
形影忽不見， [Но] тень [гуся] вдруг исчезла,
翩翩傷我心。 Быстро ранив мое сердце.

Судя по комментариям китайских исследователей к этому стихотворению, гусь как образ печали и тоски по родине ни у кого не вызывает разночтений. Символика сквозного образа «гусь-вестник» расширяет связанное с ним лингвоэстетическое наполнение, высвобождая смысл «ощущение одиночества». Использует-

ся старый поэтический язык символа, но рождается новое прагматическое наполнение. Высокая тема и в этом случае воплощена через обыденный образ гуся.

Первоначальный смысл образа не исчерпывает всей его поэтико-символической специфики: гусь имеет не только номинативную первоначальную семантику, закрепленную еще у самых истоков поэтического мышления. В дальнейшем происходит значительное расширение семантики и семиотики образа, что, по мысли Л. Я. Гинзбург, является основным законом поэзии [2, с. 11].

Через пять веков после Цао Чжи великий танский поэт Ду Фу (杜甫, 712–770), находясь вдали от дома, использует этот образ для передачи своих чувств в *ши* «Летящий домой гусь» («歸雁»):

春來萬里客, *Весна пришла, [я] за десять тысяч ли в гостях.*
亂定幾年歸? *Со смуты много лет [прошло]... Вернусь [ли я] назад?*
腸斷江城雁, *Нутро рвется, [когда] гуси летят над городом у реки.*
高高向北飛. *Высоко-высоко [они] летят на север.*

Таким образом, долгое время образ дикого гуся в китайской поэзии связывался не только с вестником, но и с одиночеством и печалью [7, с. 282; 11, с. 886].

Кроме того, поскольку дикий гусь является перелетной птицей, которая осенью улетает на юг, а весной возвращается на север [13, с. 103; 12, с. 105; 15, с. 57; 6, с. 68; 10, с. 138; 9, с. 74], поэты использовали его образ для экспликации времени года. Это подчас приводит к тому, что комментаторы по-разному трактуют ту или иную строку из стихотворения. Так, в первой строке *цы* на мелодию «Бодхисатва из племени Мань» («菩薩蠻») великая сунская поэтесса Ли Цинчжао (李清照, 1084–1155?) пишет:

歸鴻聲斷殘雲碧. *Крик гуся, летящего домой, оборвался,*
редкие облака [в] синеве [небес].

Большинство комментаторов указывают, что героиня находится на юге, а гусь летит на север, поэтому в *цы* дается описание весны [13, с. 103; 12, с. 105; 15, с. 57]. Однако комментатор Сунь Чунэнь полагает, что гусь летит на юг [8, с. 192], и это дает основание не только для иной трактовки, но и иной хронологии этого *цы*.

Мнения комментаторов разделяются и относительно того, что символизирует образ гуся в этом *цы*: одни полагают, что так поэтесса передает чувство тоски по родине [13, с. 103; 11, с. 886], другие считают, что таким образом она намекает на письмо, отправленное на родину [14, с. 27]. Здесь мы можем видеть прямую зависимость поэтического смысла от семантики и прагматики конкретного образа, выношенного общим культурным сознанием.

Однако китайские поэты не всегда опирались на устоявшуюся традицию при передаче чувств образами классики. Оригинальность и мастерство поэтов проявлялись в придании образу новой семантики, расширении или изменении его символического смысла. Так поступает Ли Цинчжао в *цы* на мелодию «Волны, намывающие песок» («浪淘沙»), где образ дикого гуся становится символом избавления от жизненных горестей. В последних двух строках она пишет:

留得羅襟前日淚, *Оставила шёлковый халат, [промокий]*
от слёз в прошлом (или позавчера),
彈與征鴻. *Брошу [его] перелетному гусю.*

Концовка стихотворения Ли Цинчжао в контексте всего корпуса «печальных *цы*» неожиданна. Новым семантическим центром является изменившаяся

символика традиционного образа: гусь выступает уже не как традиционный вестник печальных новостей, а избавитель от горя и страданий, уносящий прошлые беды прочь. Промокшую от слез одежду перелетные птицы уносят с собой. Известно, что у лирической героини нет никого, кому бы она могла отправить письмо или весточку на север: она не знает, где ее родные; ее страна захвачена вражеской армией; ее муж умер, она бежит на юг, пытаясь спастись. Но эту безысходность забирают с собой перелетные птицы. Жизнь и творчество лирической героини продолжают.

Однако в импрессионистски настроенной критике можно заметить совершенно иной уровень восприятия этого текста: «после прочтения этого *цзы* нет чувства подавленности и депрессии, а наоборот, оно пробуждает настоящие чувства, вызывает отклик в сердце и заставляет сопереживать» [10, с. 162]. Важные имплицитные смыслы этого *цзы* остались незамеченными исследователем.

Выводы. Исследование показало, что в китайской классической поэзии семантика и символика образа гуся тесно связана с поэтикой и эстетикой древней китайской литературы. Выявлена главная веха трансформации семантического ядра образа, представлены изменения в символике: гусь – не только выношенный общим культурным сознанием традиционный вестник печальных новостей, не только знак исцеления надеждой, но и образ мужественного отказа от ожидания счастья поэтом, который продолжает жить и творить. Семантический и символический анализ образа гуся в китайской классической поэзии выполнен в русле интердисциплинарного подхода, который получил обозначение лингвоэстетики, разрабатываемой точки соприкосновения лингвистики с поэтикой и эстетикой [3].

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в исследовании китайской поэзии в русле междисциплинарного направления лингвоэстетики, использование научной оптики которой помогает раскрыть в неразрывном единстве языковую и эстетическую сложность восточной культуры.

Библиографические ссылки

1. Eberhard W. A dictionary of Chinese symbols. Hidden Symbols in Chinese Life and Thought. Oxford: Routledge, 2006. 413 p.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. Ленинград: Сов. пис., 1974. 408 с.
3. Флоря А. В. Элементарная лингвоэстетика. Орск: Орский гос. ун-т, 1999. 42 с.
4. 班固. 汉书 (全十一册)。 – 北京: 中华书局出版, 1962。 – 4273 页。
5. 尔雅注疏 (十三经注疏)。 – 北京: 北京大学出版社, 2000。 – 385 页。
6. 李月、张敏鹏. 李清照词集。 – 北京: 民族出版社, 2004。 – 344 页。
7. 吕晴飞等. 汉魏六朝诗歌鉴赏辞典。 – 北京: 中国和平出版社, 1990。 – 1182 页。
8. 崇恩. 北宋婉派四大名家。 – 北京: 中国籍出版社, 1995。 – 212 页。
9. 孙乃修. 李清照词赏析。 – 海口: 海南出版社, 1997。 – 130 页。
10. 王璠. 李清照研究丛稿。 – 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1987。 – 206 页。
11. 夏承焘等. 宋词鉴赏辞典。 – 上海: 上海辞书出版社, 2008。 – 2342 页。
12. 徐北文. 李清照全集评注。 – 济南: 济南出版社, 2005。 – 615 页。
13. 徐培均. 李清照集笺注。 – 上海: 上海古籍出版社, 2009。 – 556 页。
14. 杨合林. 李清照集。 – 长沙: 岳麓书社, 2001。 – 182 页。
15. 张显成. 李清照朱淑真诗词合注。 – 成都: 巴蜀书社, 1999。 – 311 页。

16. 赵晓辉。李清照。—北京:五洲传播出版社, 2005。—125页。
17. 说文解字。言文字 / 柴虹。李肇翔主。—北京:九州出版社, 2001。—900页。

Reference

1. Eberhard, W. (2006), *A dictionary of Chinese symbols. Hidden Symbols in Chinese Life and Thought*, Oxford, 413 p.
2. Ginzburg, L.Ja. (1974), *About lyrics [O lirike]*, Leningrad, 408 p.
3. Florja, A.V. (1999), *Elementary linguistic aesthetics [Jelementarnaja lingvojestetika]*, Orsk, 42 p.
4. Ban Gu (1962), *Han Shu (11 Volumes) [Han' Shu (11 tomov)]*, Beijing, 4273 p.
5. *Erya Zhushu (the Thirteen Confucian Classics with commentaries)* (2000), [Trinadcat' knig konfucianskogo kanona s komentarijami], Beijing, 385 p.
6. Li Yue, Zhang Minpeng (2004), *Li Qingzhao's ci collection [Sobranie cy Li Cinchzhao]*, Beijing, 344 p.
7. Lu Qingfei (1990), *Dictionary of Han, Wei and the Six Dynasties poetry [Slovar' poezii Han', Vjej i jepohi Shesti dinastij]*, Beijing, 1182 p.
8. Sin Chongen (1995), *Four great poets of Northern Song in wanyue style [Chetyre velikih pojeta Severnoj Sun v stile van'juje]*, Beijing, 212 p.
9. Sun Naixiu (1997), *Li Qingzhao's ci: understanding and enjoying [Cy Li Cinchzhao: ponimanie i naslazhdenie]*, Haikou, 130 p.
10. Wang Fan (1987), *Studying Li Qingzhao's works [Izuchenie rabot Li Cinchzhao]*, Hohhot, 206 p.
11. Xia Chengtao (2008), *Song ci: dictionary [Sunskie cy: slovar']*, Shanghai, 2342 p.
12. Xu Beiwen (2005), *Commentaries on Li Qingzhao's works [Kommentarii k proizvedenijam Li Cinchzhao]*, Jinan, 615 p.
13. Xu Peijun (2009), *Commentaries on Li Qingzhao's works [Kommentarii k proizvedenijam Li Cinchzhao]*, Shanghai, 556 p.
14. Yang Helin (2001), *Collection of Li Qingzhao's works [Sobranie proizvedenij Li Cinchzhao]*, Changsha, 182 p.
15. Zhang Xiancheng (1999), *Li Qingzhao's and Zhu Shuzhen's shi and ci collection [Shi i cy Li Cinchzhao i Chzhu Shuchzhjen]*, Chengdu, 311 p.
16. Zhao Xiaohui (2005), *Li Qingzhao [Li Cinchzhao]*, Beijing, 125 p.
17. Shuowen Jiezi [Shovjen' czeczy], Beijing, 900 p.

ЛІПНА Вікторія Іванівна

доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри порівняльної філології східних та англомовних країн Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара; пр. Гагаріна, 72, м. Дніпро, 49010, Україна; тел.: +38 (056) 374-98-78; e-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0001-9089-5159

ДАЩЕНКО Ганна Володимирівна

кандидат філологічних наук, доцент кафедри порівняльної філології східних та англомовних країн Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара; пр. Гагаріна, 72, м. Дніпро, 49010, Україна; тел.: +38 (056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0003-3432-3679

ЛІНГВОЕСТЕТИЧНІ ПАРАМЕТРИ ОБРАЗУ ДИКОГО ГУСЯ У КЛАСИЧНІЙ КИТАЙСЬКІЙ ПОЕЗІЇ

Анотація. *Мета дослідження* – виявити лінгвоестетичні параметри художнього образу «гусь», центрального в системі китайської класичної поетики з точки зору історичної лінгвoseмантики та літературознавчої стилістики. *Об'єкт дослідження* – китайська класична поезія («Шицзін»), жанри *ши* і *ци*, *предмет* – основні етапи семантичної і символічної трансформації образу в історії китайської класичної поезії. *Матеріал* дослідження – корпус класичних віршів, написаних Цао Чжи, Ду Фу, Хуан Тінцзянем та Лі Цінчжао. В *результаті* дослідження виявлено інваріантну семантичну модель образу гуся та історичну трансформацію символіки образу під час історичного розвитку китайської літератури. *Практичне застосування* результатів можливо в дослідженнях історії

мови та китайської класичної поезії й естетики. **Висновки** – в китайській класичній поезії семіотика образу тісно пов'язана з поетикою і естетикою стародавньої китайської літератури. Виявлено головні етапи трансформації семантичного ядра образу, наведено зміни в символіці: гусь – не тільки омріяний загальною культурною свідомістю традиційний вісник сумних новин, не тільки символ зцілення надією, але й образ мужньої відмови від очікування щастя поетом, який продовжує жити і творити.

Ключові слова: образ, символ, інваріант, лінгвоестетика, семантична модель, Лі Цінчжао, Шицзин.

Victoria I. LIPINA

doctor of philological sciences, Professor, chairperson of the department of comparative Oriental and English philological studies at Oles Honchar Dnipro National University, Gagarin avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine, tel.: +38 (056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0001-9089-5159

Hanna V. DASHCHENKO

candidate of philological sciences, Associate Professor at the department of comparative Oriental and English philological studies at Oles Honchar Dnipro National University, Gagarin avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine, tel.: +38 (056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0003-3432-3679

**LINGUISTIC AND AESTHETIC ASPECTS OF THE IMAGE OF GOOSE
IN CHINESE CLASSICAL POETRY**

Annotation. *The aim of the research* is to reveal the linguoesthetic parameters of the artistic image of «goose» that was central in the system of the Chinese classical poetics. *The object of study* is Chinese classical poetry («Shijing», genres *shi* and *ci*), *the subject* is the semantic and symbolic transformation of the goose image in the history of Chinese classical poetry. *The material of the study* is a body of classical poems written by Cao Zhi, Du Fu, Huang Tingjian and Li Qingzhao. *The result of the research* outlines the transformation of the core invariant of the goose imagery in the process of the Chinese literary development. *Practical application* of research: the results contribute to the studies of the history of the Chinese language and literature. **Conclusions:** the semiotics of the “goose” imagery is closely related to the poetics and aesthetics of ancient Chinese literature. However the historical transformations of the semantic core of the imagery reveal conceptual changes: «goose» is represented not only as a traditional messenger of sad news that is rooted in a common cultural consciousness, not only as a sign of healing by hope, but also as an image of courageous rejection of hopeful expectations by a poet who continues to live and create.

Key words: image, symbol, invariant, linguoesthetic, semantic model, Li Qingzhao, Shijing.

Надійшла до редколегії 02.04.2018

<https://doi.org/10.15421/251809>

УДК 811. 161. 1'367

МЕНЬШИКОВ Игорь Иванович

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49010, Украина; тел.: +38(056) 374-98-80; E-mail: iimdn@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8994-2958

**ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
КАК СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ**

Аннотация. *Цель исследования* – построить систему дифференциальных признаков предложения. *Объект изучения* – дефиниции предложения как синтаксической единицы, приведенные в наиболее авторитетных лингвистических изданиях, *предмет* – множество параметров и характеристик предложения, включенных в его определение. *Материал исследования* – восемь академических дефиниций предложения. *Методы* – описательный, сопоставительный и структурно-математический. В *результате* сформирована система ДП, включающая в себя только два компо-